

Исторический вестник. 2023. Т. XLIV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.001

М.В. Баранов
Д.Р. Жангиев
О.А. Курбатов

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ СТАТИСТИКА: ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

Постановка проблемы

Начиная с конца XIX в. и вплоть до настоящего времени для количественных и сравнительных исследований как по истории отдельных государств, так и в рамках общих исследований по исторической социологии используются базы данных, представляющие статистику войн, ведущихся теми или иными государствами и происходящих в тех или иных регионах. Подобная статистика, включающая в себя номенклатуру войн, списки сражений и оценки потерь в ходе боевых действий, представляет собой весьма значимый исходный материал для дальнейших исторических, социологических и политологических исследований. Особый интерес указанная статистика вызывает в последние десятилетия, когда в результате формирования обширных баз данных (databases) появилась возможность компьютерной обработки массивов данных и поисков различных корреляций. Но при внимательном рассмотрении ряда наиболее авторитетных статистических исследований и баз данных становится понятно, что используемый в них материал весьма неоднороден. Если статистические ряды, касающиеся демографии и экономики, как правило, достаточно репрезентативны

в силу четкой методологии, системы измерения и объема самих данных, то исследования по военной статистике до сих пор базируются на весьма ограниченном материале, подготовленном в свое время небольшим кругом исследователей. До сих пор в научном обороте широко используются статистические базы данных, подготовленные Г. Бодартом (1908 г.), П. Сорокиным (1937 г.). Указанные материалы были собраны для специфических исследовательских целей того или иного автора и не готовились в качестве общенаучной базы данных. Другая проблема возникала в силу того, что базы данных отличались ограниченностью выборки, — как с учетом круга рассматриваемых регионов и государств, так и с учетом охваченных временных периодов. П. Бреке (Peter Brecke) справедливо указывает в связи с этим, что даже девять наиболее авторитетных компьютеризированных баз данных, взятых им за основу для составления собственного каталога конфликтов (Conflict Catalog) в 1996 г., охватывали лишь около одной трети всех известных военных конфликтов в странах мира и не включали множество военных событий в России, Китае, Японии и т.д.¹ При этом следует отметить, что и сам П. Бреке составлял свою сводную базу данных не в общенаучных целях, а для специфических задач политологического прогнозирования и построения предсказательных моделей предотвращения военных конфликтов.

Приведенные замечания особенно важны в связи с тем, что методология подготовки общенаучной базы данных существенным образом отличается от методологии подготовки статистических выборок для конкретных тематических исследований. К примеру, в широко известном и продолжающемся по сей день проекте по истории войн «The Correlates of War Project» (COW)², начатом в 1963 г. американским политологом Дж.Д. Сингером в Мичиганском университете и развивавшемся в дальнейшем при участии М. Смолла, в качестве главного критерия используется уровень боевых потерь в 2 тыс. чел. за год. На наш взгляд, выбор масштабов потерь в качестве основы исторической военной статистики представляется неудачным подходом. Во-первых, потому, что данные с подобной точностью трудно собрать даже для текущих конфликтов в XXI в., не говоря уже о войнах предыдущих веков, в силу чего указанная достаточно подробная база данных начинается только

¹ Brecke P. The Long-Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 5. URL: https://www.academia.edu/24739889/The_Long_Term_Patterns_of_Violent_Conflict_in_Different_Regions_of_the_World

² Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/>

с 1815 г. Во-вторых, историкам хорошо известно, что до середины XIX в. весьма значительная часть потерь войск в ходе войн (нередко даже больше половины) приходилась на небоевые (от болезней, истощения на маршах, дезертирства и т.д.), а не на сугубо боевые потери, и одно от другого методологически трудно отделить. Таким образом, методология, за основу которой берется определение ежегодного уровня потерь, может применяться для определения влияния войн на общество, но едва ли применима в том случае, если целью исследования является деятельность государств, т.е. военно-политическая история на государственном уровне.

Историография вопроса

В данном историографическом обзоре мы касаемся только наиболее цитируемой и упоминаемой научной литературы по подготовке и обработке массивов статистических данных о войнах и сражениях. Одним из первых научных справочников (хронологическо-статистическим, как назвал его автор) по истории войн стал опубликованный в 1908 г. «Военно-исторический лексикон» Г. Бодарта, охватывающий период с 1618 г. (начало Тридцатилетней войны) и до 1905 г. (завершение Русско-японской войны)³. В первой части книги (р. 49–600), описываются сражения (как сухопутные, так и морские), осады и капитуляции в хронологическом порядке с указанием численности войск (в батальонах, эскадронах, орудиях и в людях) и потерь (с выделением числа офицеров, а генералов — даже поименно). Во второй части книги приведены статистические таблицы (р. 601–913) на основе данных первой части. На основе данного справочника Г. Бодарт в 1916 г. выпустил одно из первых известных в литературе сравнительных статистических исследований по военной истории: «Людские потери в войнах Нового времени: Австро-Венгрия и Франция»⁴ с подробным анализом потерь по годам и сражениям.

Следующим значительным шагом в развитии военно-статистических исследований стал изданный в 1915 г. труд «Идет ли война на убыль? Исследование распространенности войн в Европе с 1450 г. по

³ Bodart G. *Militar-historisches Kriegs-Lexikon (1618–1905)*. Wien — Leipzig, 1908.

⁴ Bodard G. *Losses of Life in Modern Wars: Austria-Hungary and France*. Oxford, 1916.

наши дни», подготовленный Ф.А. Вудсом и А. Бальтцли⁵. В нем приводится статистика военных (участие в войнах) и мирных лет для 12 основных европейских государств (включая Османскую империю) с 1450 г. и до Первой мировой войны. Важное статистическое исследование войн содержится в третьем томе фундаментального труда Питирима Сорокина «Социальная и культурная динамика», изданного в 1937 г.⁶ Его метод основан на комплексном сравнении продолжительности военных конфликтов, размеров участвовавших в них армий и понесенных потерь для различных стран и исторических эпох. В 1942 г. вышел фундаментальный двухтомный труд Куинси Райта «Изучение войны»⁷ (переиздан с комментариями автора в 1965 г.), в котором предпринят анализ войн различных эпох на основе сложной междисциплинарной методики, учитывающей географические, экономические, социальные, культурно-исторические, идеологические и другие факторы. В монографии Л.Ф. Ричардсона «Статистика смертельных ссор»⁸ предпринята попытка создать математические модели конфликтных ситуаций с учетом различных факторов (включая экономические, политические и религиозные), демонстрирующие вероятность и закономерности возникновения военных конфликтов в мире с начала XIX в. и до середины XX в. В труде Д.С. Леви «Война в современной системе великих держав, 1495–1975»⁹ проведен анализ участия европейских великих держав (Great Powers) в войнах, для чего сначала приведено обоснование списка великих держав с датами их пребывания в этом списке. В рамках уже упомянутого проекта “Correlates of War” (Корреляты войны) были собраны и представлены в электронном виде данные о многих аспектах международной политики и военно-политическом потенциале государств начиная с 1816 г. Представленные базы данных включают идентификацию суверенных государств, список военных конфликтов и кризисов, численность вооруженных сил различных государств и ряд других сведений об их потенциале.

⁵ Woods F.A., Baltzly A. Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day. Boston, 1915.

⁶ Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937.

⁷ Wright Q. A Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

⁸ Richardson Lewis F. Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960.

⁹ Levy J.S. War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington, 1983.

В 2000-х гг. вышли в свет три сводные англоязычные энциклопедии с обширными военно-статистическими данными¹⁰. Но наиболее полным и популярным для использования на сегодня стал электронный каталог конфликтов, подготовленный доцентом Школы международных отношений Сэма Нанна (Sam Nunn School of International Affairs) при Технологическом институте Джорджии Питером Бреке¹¹. Составление каталога конфликтов началось в 1996 г. путем объединения списков военных конфликтов из девяти известных баз данных¹². Таким образом, Питер Бреке постарался собрать в своем каталоге все ранее известные военные конфликты, кроме тех, которые произошли до 1400 г. Также следует отметить до сих пор не опубликованные работы по военной статистике другого американского исследователя Энтони Саттона, содержащие перечень всех военных конфликтов в мире с 1820 по 1970 г., в каждом из которых погибло более 20 чел., упоминаемых Питером Бреке¹³.

Недостатки существующих подходов

С нашей точки зрения, существующие в мировом научном обороте методики подготовки и использования статистических баз данных по

¹⁰ *Phillips Ch., Axelrod A.* Encyclopedia of Wars –3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005; *Jaques T.* Dictionary of battles and sieges: a guide to 8,500 battles from antiquity through the twenty-first century. Greenwood Press, 2007; *Clodfelter M.* Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1500–2000. Jefferson N.C.: McFarland, 2017 (Fourth edition).

¹¹ Каталог доступен по электронной ссылке: <https://brecke.inta.gatech.edu/research/conflict/>

¹² Каталог, составленный Питером Бреке, включает данные из баз данных следующих изданий: *Small M, Singer D.* Resort to Arms. International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills – London – New Delhi, 1982; *Jones, Daniel M., Bremer, Stuart A, Singer J. David.* Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules, and Empirical Patterns // Conflict Management and Peace Science 15, 1996. P. 163–213; *Levy J. S.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington, 1983; *Midlarsky Manus I.* Theoretical Foundations for the Collection of Major Power–Minor Power War Data // International Interactions 14, 1988. P. 187–190; *Richardson Lewis F.* Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960; *Wright Quincy.* A Study of War: Vol. 1. Second edition. Chicago: University of Chicago Press, 1965; *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War, and Revolution. New York, 1937; *Luard Evan.* War in International Society: A Study in International Sociology. New Haven, CT: Yale University Press, 1987; *Holsti Kalevi J.* Peace and War: Armed Conflicts and International Order 1648–1989. New York: Cambridge University Press, 1991.

¹³ *Brecke P.* The Long–Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 25–26.

военной истории содержат в себе принципиальные методологические недостатки, связанные в первую очередь с тем, что, как мы упоминали выше, эти базы и не готовились как общенаучные. Прежде всего, следует отметить, что сформированные базы данных содержат либо статистику войн (военных конфликтов), либо статистику сражений. Оба подхода создают большие сложности для использования данных. Сложность методологического подхода, связанного с перечнем войн, состоит в том, что сама война, будучи политическим явлением, представляет собой в то же время неоднозначное историографическое понятие, а номенклатура войн определяется военной историографией. При этом зачастую историографии разных стран по-разному определяют и трактуют одни и те же войны и их периодизацию. В качестве примеров можно привести Ливонскую войну XVI в., Тридцатилетнюю войну и Наполеоновские войны. Рассмотрение каждого из названных длительных военно-политических конфликтов в качестве одной войны или же целой серии войн зависит от позиции исследователя и сложившихся в разных странах национальных историографических школ. Для российской историографии, к примеру, Ливонская война 1558–1583 гг. предстает в виде одной длительной войны, в то время как для Польши и Швеции это не одна война, а целая серия военных конфликтов разной продолжительности и с меняющимся составом участников.

Отсутствие единой общепризнанной номенклатуры войн в национальных историографиях усугубляется тем фактом, что многие войны, воспринимаемые как таковые с позиции настоящего времени, не воспринимались в качестве таковых современниками событий. К примеру, нынешнее понятие «Кавказская война 1817–1864 гг.» во многом противоречит восприятию событий тех десятилетий глазами российских современников. Это объясняется тем обстоятельством, что в рамках названного хронологического периода в военных действиях на Кавказе были как относительно «спокойные» годы с боевыми стычками при участии нескольких десятков человек с каждой стороны, так и периоды крупных военных кампаний, которые были интегрированы в Русско-турецкие и русско-персидские войны, а численность участвовавших в них войск исчислялась десятками тысяч человек. Но с точки зрения методологии статистики войн, как «спокойные» годы, так и годы крупномасштабных боевых действий, расцениваются одинаково, как годы войны. Другой пример: с одинаковым «весом» в статистику военных действий по годам попадают как кампании, в которых были задействованы основные вооруженные силы государства (например, для России — кампания

1812 г. против Наполеона), так и относительно небольшие по числу задействованных войск (несколько батальонов) кампании русской армии в войне с Ираном в 1810 и 1811 гг.

Кроме того, далеко не все военные конфликты, пусть даже крупные, сопровождались официальным объявлением войны и официальным же ее завершением посредством договора о перемирии или мире. К таковым можно отнести почти все гражданские войны (будь то в Англии, США, России, Китае), многие колониальные войны, а также внутренние локальные конфликты — например Кавказская война или подавление восстания Емельяна Пугачева. Примечательно, что в одной из последних англоязычных энциклопедий войн, составленной Ч. Филлипсом и А. Аксельродом¹⁴, из включенных в энциклопедию 1000 войн для периода после 1450 г. только менее 300 имеют дату начала в виде объявления войны и менее 400 — дату завершения в виде договоров о мире (перемирии).

Неполноту и разночтения известных авторитетных баз данных по военным конфликтам можно проиллюстрировать на примере статистики войн с участием средневековой Руси и России. Так, в списке войн с участием России в работе Вудса и Бальтцли с 1700 по 1914 г. (до начала Первой мировой войны) насчитывается всего 53 военных конфликта (включая внутренние, как например, подавление восстания Пугачева). В базе данных П. Бреке за этот же период насчитывается 128 конфликтов (войн) с участием России¹⁵. Для сравнения — в новой базе данных «Руниверс» их 137. Для периодов до 1400 г. разница будет гораздо более значительной: П. Бреке насчитывает с 900 по 1400 г. 113 конфликтов с участием войск русских земель (в том числе внешние конфликты, княжеские усобицы, конфликты с печенегам, половцами и Ордой), в то время как в базе данных «Руниверс» за этот же период числится в общей сложности 674 конфликта, не считая княжеских усобиц. Другой пример: согласно подсчетам П. Сорокина, с 926 по 1510 г. в русских землях произошло 106 усобиц и других внутренних конфликтов (включая восстания)¹⁶. Согласно базе княжеских усобиц, составленной в рамках проекта «Руниверс», до 1510 г. в русских землях произошло в общей сложности 492 усобицы, каждая из которых

¹⁴ *Phillips Ch., Axelrod A. Encyclopedia of Wars — 3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005.*

¹⁵ Электронный ресурс: <https://brecke.inta.gatech.edu/research/conflict/>

¹⁶ *Sorokin P.A. Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937. P. 460–462.*

представляла собой военный конфликт. Значительная неполнота зарубежных баз данных видна и на примере такого, казалось бы, хорошо изученного периода, как правление Ивана III (1462–1505): в списке Вудса и Бальцли за указанный период отмечено 20 военных конфликтов с участием России, в базе данных П. Бреке их 27. Для сравнения: в новейшей базе данных «Руниверс» за период правления Ивана III выявлено 43 военных конфликта. При этом следует заметить, что наибольшее количество военных конфликтов представляется возможным выявить с привлечением архивных материалов. Так, при составлении базы данных «Руниверс» за период с 1462 по 1502 г. О.А. Курбатовым на основе архивных изысканий (в том числе изучения разрядных записей) выявлено 43 военных конфликта с участием русских войск, в то время как исследования русских летописных источников за тот же период, проведенные Ю.В. Селезевым, дают меньшую цифру: 34 конфликта. Из собранного материала видно, что частота конфликтов с участием русских войск в разы превышает частоту известных конфликтов с участием войск других европейских государств. Следовательно, традиционная статистика европейских конфликтов далеко не полна.

Использование в качестве ключевого критерия количества военных лет (т.е. нахождения того или иного государства в состоянии войны) также не дает достаточной картины происходящего. Нередки в истории также случаи, когда враждующие государства политически и дипломатически находились в состоянии войны, но в течение того или иного года либо даже нескольких лет военных действий между ними вовсе не велось, но и перемирие не заключалось. Например, в ходе русско-английской войны 1807–1812 гг. в 1810 и 1811 гг. военных действий фактически не велось, хотя состояние войны между Россией и Великобританией сохранялось, а мир между двумя державами был заключен только в июле 1812 г., т. е. после нападения Наполеона на Россию. Таким образом, вынужденное использование оценок общего количества «военных» и «мирных» лет в истории того или иного государства едва ли может само по себе быть показателем степени нагрузки на государство. К тому же интенсивность боевых действий французской армии и частота боевых столкновений в эпоху Революционных и Наполеоновских войн была принципиально выше, чем в эпоху войн Людовика XIV, на что справедливо указывает Дж.А. Линн в своей монографии «Войны Людовика XIV, 1667–1714».¹⁷

¹⁷ Lynn J.A. The wars of Louis XIV, 1667–1714. Harlow: Longman, 1999. P. 363–367.

Второй подход, который базируется на статистике сражений и крупных осад и широко применяется с начала XIX в., обладает другим существенным недостатком: в силу крайней многочисленности боев и сражений, их полной статистики, как правило, не существует. Статистика боевых столкновений всех типов хорошо собрана по крупным сражениям и также (иногда очень детально) по отдельным войнам и регионам, но в целом она далеко не полна. Статистика всех боевых столкновений Гражданской войны в США, вплоть до самых мелких, в ходе которых погиб хотя бы один человек, является как раз исключением. Для понимания степени неполноты считающихся вполне авторитетными англоязычных баз данных боев и сражений (боевых столкновений) можно привести следующие сравнительные данные: так, К. Райт в своем труде «Изучение войны (A Study of War)» за период с 1700 г. и до начала Первой мировой войны насчитывает 306 сражений с участием русских войск¹⁸. Для сравнения: в базе данных «Руниверс» по боевым действиям русских войск для данного периода содержатся сведения о 728 военных кампаниях, а общее число выявленных боевых столкновений в ходе этих кампаний составляет 5792. Таким образом, учет только крупных сражений (как это, вероятно, делает К. Райт) создает совершенно неполную картину боевой активности государства. Проведение научно обоснованной грани между понятиями «стычка», «бой», «сражение» и «осада» также нередко бывает затруднительным. Кроме того, многие военные конфликты как до XX в., так и в XX–XXI вв. велись в формате так называемых «малых войн», т.е. исторически значимых и кровопролитных в целом конфликтов, но без крупных боевых столкновений, которые фиксировались бы в историографии.

Таким образом, статистика отдельных боевых столкновений (боев, сражений и т.д.) сама по себе не дает целостного представления об интенсивности и значимости боевых действий для данного государства и уровне его вовлеченности в военный конфликт. Показательным примером служит Русско-турецкая война 1686–1700 гг., в ходе которой наиболее значительными военными событиями были Крымские походы русских войск под начальством князя В.В. Голицына в 1687 и 1689 гг., а также Азовские походы Петра I в 1695 и 1696 гг. С точки зрения классической историографии первые два похода прошли без крупных боевых столкновений и успехом не увенчались, а походы Пе-

¹⁸ Wright Q. A Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

тра I завершились стратегически важной победой — взятием Азова. Но с точки зрения нагрузки на государство и даже людских потерь (с учетом небоевых потерь) походы В.В. Голицына и походы Петра I практически эквивалентны. Поскольку как в первом, так и во втором случае Российское государство организовало, снабжало и направило на театр военных действий крупные группировки вооруженных сил, которые преодолели большие расстояния и понесли значительные потери. Известны в военной историографии также примеры масштабных военных кампаний с участием большого количества войск, в ходе которых сражений вообще не происходило. Яркими примерами могут служить война за Баварское наследство 1778–1779 гг. между Пруссией и Австрией, а также широко известные обстоятельства начала и завершения Гражданской войны в США 1861–1865 гг. Война началась с осады южанами форта Самтер, в ходе которой не погиб ни один человек, а завершилась капитуляцией армии Конфедерации при Аппоматтоксе, которая произошла также без большого сражения. Да и знаменитое Стояние на р. Угре в 1480 г. фактически сражением не являлось и завершилось без столкновения основных сил противников, хотя при этом имело огромное историческое значение. Можно также привести в качестве показательных примеров Босфорскую экспедицию русского флота и войск в 1833 г. и экспедицию русского флота к берегам Северной Америки в 1863–1864 гг. В обоих случаях Россия не находилась в состоянии войны, и боевых столкновений не происходило, но военные кампании, причем крупные по составу задействованных в них сил, состоялись и принесли важные результаты.

Проект «Руниверс» по военно-исторической статистике и его преимущества

Проект «Руниверс» по военно-исторической тематике посвящен количественному (квантитативному) описанию и анализу военной истории. Для выявления уровня вовлеченности того или иного государства в военные действия, а также создаваемой ими нагрузки на экономику и влияния военной активности на политическую деятельность в рамках проекта по военной истории нами предлагается особый методологический подход. Мы надеемся, что предложенный новый подход и созданные на его основе базы данных позволят предоставить в распоряжение исследователей статистику, основанную на более

качественной методологии, дающей возможность оценивать степень задействования ресурсов государственной военной машины. Если исследователь изучает влияние военных действий на страны, принимающие в них участие, или на регионы, в которых они происходят, необходимо учитывать в первую очередь не время нахождения в состоянии войны (поскольку само по себе объявление войны не требует ресурсов), а периоды реальных боевых действий, при этом желательно оценивать их интенсивность. Для этого подхода гораздо лучшей статистической единицей учета будет не война (военный конфликт), а военная кампания, которая определяется как совокупность боевых действий, непосредственно связанных между собой общим замыслом и происходящих на локальном географическом театре военных действий на определенном отрезке времени (как правило, в течение данного года или времени года).

Именно в рамках отдельных военных кампаний (а не войн в целом и не отдельных сражений) государство задействует свои экономические и людские ресурсы через военную машину (военный потенциал) для реализации конкретных замыслов и решения поставленных задач. В отличие от войн, т.е. в первую очередь политических конфликтов, описания которых формировались в историографии, как правило, ретроспективно, военная кампания представляет собой то событие в рамках войны (военного конфликта), которое планировалось военно-политическим руководством государства и поэтому поддается гораздо более четкому и объективному определению и описанию. Иными словами, военная кампания происходила в силу того, что государство принимало решение о ее проведении. При этом по количеству задействованных для участия в кампании сил и средств можно определить ее абсолютную и относительную интенсивность. Выделение кампаний, в силу этого, представляется более простым и понятным, чем выделение войн и даже отдельных сражений. Абсолютное и относительное соотнесение военных кампаний друг с другом, опять же, становится возможным и гораздо более четким (в отличие от войн и сражений), поскольку государство, принимающее решение на проведение кампании, выделяло для каждой кампании на том или ином театре военных действий определенные силы и средства.

Предлагаемый нами подход можно охарактеризовать как комплексное непрерывное описание работы государственной военной машины с точки зрения формирования войск, их организации, состава, численности, дислокации (как в мирное, так и в военное

время) и участия в боевых действиях. Для достижения необходимой полноты картины в этой связи требуются обширные дополнительные изыскания, поскольку качественный и количественный состав войск ряда европейских государств Нового времени крайне недостаточно изучен, особенно по периодам до XVIII в. Показательна в данной связи неутешительная оценка ситуации, данная шведским историком Яном Глетом в отношении статистических данных по вооруженным силам Испании XVI–XVII вв.: «Проблема изучения испанского финансово-военного государства заключается в том, что размер и состав его вооруженных сил изучены на удивление мало. Было бы большим преимуществом, если бы тема этой главы была проиллюстрирована табличными данными о численности испанских вооруженных сил и их географическом распределении в различные даты. К сожалению, в настоящее время составить такие таблицы невозможно. Общая численность армии никогда не подсчитывалась, история ее организационной структуры (армии, терции и полки) неравномерна, не составлены исчерпывающие исторические списки кораблей для флота и его региональных подразделений»¹⁹.

Методологический подход, предполагающий взятие за основу статистики военных кампаний, который мы предлагаем, обладает следующими ключевыми достоинствами по сравнению с описанными ранее подходами:

1) отсутствие презентизма — мы определяем военную кампанию не на основе поздней историографии, а на основе фактических решений, принимавшихся руководством вооруженных сил той или иной страны;

2) возможность дать количественные измерения интенсивности кампании на основании абсолютного и относительного размера задействованных в ней сил и средств;

3) имея непрерывную картину военного строительства, включая формирование войск, их дислокацию и перемещения, мы видим, какую часть своих вооруженных сил государство задействовало в той или иной кампании. Тем самым становится понятно, какое значение государство придавало данной кампании при планировании.

Этот подход хорошо применим к военной истории централизованных государств, когда командование вооруженными силами

¹⁹ Glete J. *War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal–Military States 1500–1660*. London–New York: Routledge, 2002. P. 71.

сконцентрировано на высшем государственном уровне. Для таких государств можно описать созданные ими военные машины и проследить их использование год за годом (с учетом развития военных систем и их возможностей). При этом поддается оценке то, какую абсолютную и относительную долю возможностей своей военной машины государство направляет для той или иной военной кампании. Указанный подход количественно хорошо применим для периода с 1700 по 1914 г., когда сухопутные армии европейских государств фактически состояли из достаточно единообразных пехотных батальонов, кавалерийских эскадронов и артиллерийских батарей. Качественно же он применим к большинству государств с конца XV в. А к таким централизованным государствам, как Византия или Османская империя, может быть применен и для более раннего периода. Что касается военных действий на море, то для их статистики, вместо батальонов и эскадронов, следует использовать количество боевых кораблей по их классам (возникают с середины XVII в.).

Основной методологической проблемой данного подхода является разграничение военных кампаний. Дело в том, что с военной точки зрения на одном и том же театре военных действий может проводиться как одна кампания (если на этом театре военных действий есть единое руководство), так и несколько самостоятельных кампаний, если такое единое руководство отсутствует. Это часто встречающаяся ситуация в войнах до начала XVIII в. К примеру, при появлении на театре военных действий войска под руководством правителя государства все остальные военные отряды действуют в подчинении и согласованно с этим войском, но как только войска правителя покидают регион, — отдельные военные отряды зачастую начинают действовать самостоятельно. Возникает вопрос: считать ли после этого военные действия в регионе одной кампанией или несколькими отдельными кампаниями?

Для средневековой Руси до XV в. четкое выделение и разграничение военных конфликтов и кампаний (походов) представляет особую сложность ввиду того, что походы княжеских дружин могли полностью объединять в себе черты как политических (война), так и чисто военных (кампания) событий. Методология статистики военных конфликтов средневековой Руси будет подробнее изложена в статье известного отечественного историка Ю.В. Селезнева²⁰. Особым

²⁰ Селезнев Ю.В. Военные конфликты Древней и Средневековой Руси: опыт статистического анализа и картографирования // Исторический вестник, 2023. №

случаем также можно считать длительные военные действия низкой интенсивности в ходе освоения новых земель и установления над ними государственного контроля (будь то продвижение европейского фронта в Северной Америке или во многом типологически сходное с ним открытие и освоение Сибири в XVI–XVIII вв.). Подход к описанию продвижения фронта как особого типа ежегодной военно-политической активности на том или ином направлении будет рассмотрен в статье А.Ю. Конева.

Особенности описания боевых действий X–XVII вв.

С точки зрения военной терминологии XIX — начала XX в. «кампания» (фр. *Campagne*) переводилась на русский язык словом «поход», а на немецкий, аналогично — «*Der Feldzug*». В отечественный обиход это понятие вошло с петровского времени. Кроме того, в обиходном языке офицерского корпуса под «кампанией» могла пониматься целая недолгая война — как «Русско-турецкая кампания 1877–1878 гг.» или «Венгерская кампания 1849 г.». В то же время под «походом» в данном случае подразумевался уже не буквально поход, а органичная, нередко локализованная местом действия часть конфликта — этап или период войны, «совокупность военных действий»²¹.

Существовало еще более научнообразное определение кампании (похода), рожденное в стенах военных академий. Согласно «Энциклопедии военных и морских наук», это «совокупность воен. операций, находящихся в непосредств. связи между собою и составляющих по времени и месту определ. отдел известн. войны». Здесь простое и органичное объяснение усложнялось понятием «операция»: «по времени — когда состоит из нескольких отдельных операций, развивающихся последовательно одна за другою»²². Это было необходимо ввиду особенности учебного процесса, в котором именно в понятие «операция» вкладывался весь смысл штабной работы: «от стратегического развертывания армии на исходной линии операции до окончательного решения последней путем победоносного

44. С...

²¹ Военная энциклопедия. СПб.: Изд. «т-во И. Д. Сытина», 1913. С. 331.

²² Энциклопедия военных и морских наук / Под ред. Леера. СПб., 1888. Т. IV. С. 111.

боя на поле сражения» ... и т. п., иными словами, от замысла до его воплощения²³. Предмет «оперативное искусство» стал ключевым при подготовке офицеров Генерального штаба, а понятия «кампаний» и «конфликтов» перешли из области военно-практической скорее в дипломатическую или военно-историческую.

В советской военно-научной терминологии понятие «поход» было признано окончательно устаревшим: «Совокупность действий армии (флота) на большие расстояния, включавшая передвижение войск (кораблей) на большие расстояния, ведение боев и сражений и составлявшая определенный период войны (кампании) или войну в целом»²⁴. Кампании продолжали считаться совокупностью боевых действий, ограниченных календарными рамками и театром военных действий. Однако здесь добавился элемент стратегического планирования: у кампании, как и у операции или войны в целом, должна быть цель. Впрочем, подобное стратегическое содержание они приобрели только во второй половине XVIII в. В Советской военной энциклопедии прослеживается история подобных «кампаний» вплоть до конца Второй мировой войны, но очевидно, что примерно с конца XIX в. в основе планирования и ведения боевых действий стала лежать череда стратегических операций. Термин же «кампания» используется больше как описательный, чтобы связать между собой операции на определенном ТВД, проведенные в некий промежуток времени (от одного-двух сезонов года до нескольких лет — например, «северо-африканская кампания 1940–1943 гг.»)²⁵.

Таким образом, с точки зрения даже такой консервативной и прикладной дисциплины, как советская военная наука, «кампании» и «походы» относятся к устаревшей терминологии, которая на протяжении истории не имела единого четкого определения: «Содержание понятия “Кампания” менялось в зависимости от изменения характера войн и развития военного дела»²⁶. Если кампания на определенном ТВД могла включать в себя несколько военных походов, то и военный поход одной армии мог продолжаться в течение

²³ В отличие от кампаний, которым посвящено несколько строк, описанию термина «Операция» в энциклопедии Леера посвящено больше трех страниц (см.: Энциклопедия военных и морских наук / под ред. Леера. СПб., 1891. Т. V. С. 456–460).

²⁴ Советская военная энциклопедия: в 8 т. М, 1978. Т. 5. С. 480.

²⁵ Советская военная энциклопедия: в 8 т. М, 1977. Т. 4. С. 56.

²⁶ Там же. С. 55.

нескольких сезонов и лет и даже охватить несколько отдаленных друг от друга ТВД. К примеру, в 1697 г. соединение генерала П.И. Гордона с весны приняло участие в боевых действиях Третьего Азовского похода (кампания на Азовском ТВД), а ближе к осени было переброшено к границам Малороссии и выделило часть войск для Казикерменского похода (кампания на Днепровском ТВД).

Исходя из этого, при описании боевых действий X–XVII вв. как базовую единицу следует брать «поход», причем в ранний период поход обычно был равен целому конфликту. Со времен великого князя Ивана III (1462–1505 гг.) значительная часть конфликтов не заканчивается одним походом, и русские войска в ряде случаев согласованно двигаются по нескольким направлениям. При этом каждая часть войска, в силу обширности территории Русского государства, собирается в свой поход с опорой на локальные ресурсы, как в отношении денег, запасов и боеприпасов, так и в мобилизационном плане. Таким образом, совокупность походов определенного сезона боевых действий (зимнего или летнего) приобретает характер того, что называлось в XVIII и XIX вв. «Der Feldzug» или «Campagne».

Впрочем, нерегулярность таких боевых походов не позволяет надежно, без каких-либо исключений разделить каждый военный конфликт XV–XVII вв. на череду локальных кампаний. Даже в рамках Смутного времени один поход был нередко равен одной кампании в смысле целей, временных рамок и ТВД. Например, против атамана Ивана Заруцкого, который летом 1612 г. из главы Первого ополчения превратился в «воровского» воеводу, верного идеям самозванства, было последовательно направлено три похода: зимний 1612/13 г., весенне-летний 1613 г. и летне-осенний 1614 г. Только последний из них имеет характер несколько более широкий, поскольку против Заруцкого восстали служилые люди Терского острога, которые двинулись к Астрахани при известии о походе основной царской рати.

Первым конфликтом, в котором появляется возможность непротиворечиво и обоснованно выделить кампании на локальных ТВД и с определенными временными рамками, является, на наш взгляд, Смоленская война 1632–1634 гг. По причине протяженности русско-польской границы органично выделяются северо-западный (или Двинский), центральный (Смоленский) и юго-западный театры военных действий. На каждом из них руководство как с русской стороны, так и со стороны противника было особым, а планы сторон редко выходили за рамки своего ТВД. Условность научного деления на кампании здесь выража-

ется в том, что на одних ТВД, в силу разных целей и задействованных сил, в один сезон могло быть несколько кампаний, а одна кампания — Смоленский поход боярина Шеина — продолжалась пять сезонов с осени 1632 г. до зимы 1634 г. Кроме того, война осложнялась движением вольных казаков-«балашовцев», ликвидация которого также приобрела черты отдельной кампании.

По таким же принципам: объединение в одну кампанию всех боевых действий на локальном ТВД в течение одного (зимнего или летнего) сезона — удалось описать еще четыре войны: русско-польскую 1654–1667 гг., русско-шведскую 1656–1658 гг., Русско-турецкие 1672–1681 и 1686–1700 гг. В то же время такие конфликты, как борьба с украинским восстанием 1668–1669 гг. и с восстанием Степана Разина 1670–1671 гг., по-прежнему не нуждаются в делении на кампании, поскольку велись на более-менее едином ТВД и, по сути, для русской армии являются походами.

Наибольшее число единовременных кампаний выделяется в ходе, казалось, наиболее малозначительного из упомянутых конфликтов: во время войны против шведского короля Карла X Густава боевые действия велись в Карелии (севернее Ладоги), в Ингерманландии, в Эстляндии и северной Лифляндии, на Западной Двине (южная Лифляндия) и в Великом княжестве Литовском. Это очень интересный парадокс, который еще нуждается в осмыслении. С одной стороны, виной тому конкретная военно-политическая ситуация, когда шведские войска достигли Кракова и Бреста (так называемый «Потоп» 1655 г.), а формально к войскам шведской короны стал относиться гарнизон литовского Слуцка — вместе с владельцем города Богуславом Радзивиллом. С другой стороны, боевые действия на этих пространствах велись с разной степенью интенсивности, иногда и совсем затухая — например в связи с эпидемией чумы, но даже перемещения нескольких рот противников, если они имели место на конкретном локальном ТВД, заставляют формально объединить их в отдельную кампанию.

Очевидно, что предложенные здесь критерии «конфликта», «кампании» и «похода» приняты для удобства научного изучения военных действий и обработки больших статистических данных и поэтому носят черты конвенционализма. Впрочем, как показал историографический обзор этих понятий, критерии не противоречат источникам. Главное же, чтобы элементы систематизации принесли пользу научному изучению предмета — в данном случае, военных действий. Можно вспомнить один из относительно свежих примеров

успешного применения авторской разработки военно-исторической терминологии в тех же целях. Ю.Г. Алексеев, систематизируя данные летописей, разрядных книг и других источников о военных походах Ивана III, последовательно вводит понятия «ставки», «ставки главного командования» и «ставки верховного главного командования». Таким образом, он показывает и анализирует усложнение управленческих задач великого князя: от проведения одного похода — через руководство несколькими походами против одного противника — к единовременному командованию рядом отдельных армий на разных ТВД и против разных противников²⁷.

Описание конфликтов и кампаний XVIII–XIX вв.

Методику систематизации и описания конфликтов и кампаний, а также составления номенклатуры военных кампаний XVIII–XIX вв. в базе данных «Руниверс» можно проиллюстрировать на примере эпохи Революционных и Наполеоновских войн.

Период 1792–1815 гг. был общемировым конфликтом, в который были втянуты почти все государства, существовавшие на земле в то время. Военные действия велись не только в Европе, где был сосредоточен центр противостояния, но также в Северной и Южной Америке, в Карибском море, в Африке, в Индии и Индийском океане, а также в Юго-Восточной Азии (на территории современной Индонезии). В конфликте были задействованы все без исключения государства Европы, включая небольшой Лихтенштейн. Единственным исключением была только Андорра, но и ее главой формально был император французов Наполеон.

Ключевым неизменным противостоянием на протяжении периода 1792–1815 гг. был англо-французский конфликт. Образно говоря, это был стержень, относительно которого страны определяли свое участие в конфликте — на стороне Франции или на стороне Великобритании, при этом неоднократно меняя сторону конфликта. Хронологически период 1792–1815 гг. делится на две части: Революционные войны и Наполеоновские войны. Между ними находится небольшой отрезок вре-

²⁷ Курбатов О.А. Походы русских войск при Иване III. / Рец.: Алексеев Ю. Г. СПб.: Изд-во СПбГУ, Курбатов О.А. Походы русских войск при Иване III / Рец.: Ю.Г. Алексеев. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007 г. 404 с., 3 вкладки — карты // Единорогъ: Материалы по военной истории Восточной Европы эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2011. Вып. 2. С. 521–528.

мени, когда Франция и Великобритания заключили Амьенский мир 1802 г. Но даже этот подход к периодизации не является абсолютно точным, поскольку война Первой антифранцузской коалиции началась в апреле 1792 г., а Великобритания вступила в нее только через год, в начале 1793 г. При этом собственно участие английских войск в кампаниях Революционных войн долгое время оставалось сравнительно небольшим. Великобритания вносила свой вклад субсидиями, участием морских сил и сравнительно небольших сухопутных сил на различных театрах военных действий (Нидерланды, Тулон, Египет, Неаполь). Только с началом войны на Пиренейском полуострове английская армия стала основной движущей силой нескольких кампаний в 1808–1814 гг. на этом театре.

База данных «Руниверс» различает конфликты и кампании в принципиально важном пункте. Конфликт — это противостояние политических субъектов, а кампания — физическое военное противостояние. Если субъектом конфликта/войны является государство, то субъектом кампании всегда является вооруженная сила, хотя и не всегда представляющая государство (как, например, восставшие жители Вандеи).

При этом кампании не существуют сами по себе — они обязательно органично входят в какой-либо конфликт, а то и в несколько конфликтов одновременно. Кампании могут включать в себя (и большинство включают) боевые столкновения различного масштаба или не включать вовсе, если таковых не было. Вместе с тем боевое столкновение рассматривается как часть какой-либо кампании. В некоторых случаях в базу внесены кампании для описания отдельных боевых столкновений, например, все бои на море между небольшим датским флотом и английскими конвоями в Датских проливах в 1808–1814 гг. формально сведены в одну продолжительную кампанию. Такой подход продиктован логикой базы данных, в которой боевое столкновение не может быть напрямую частью конфликта, ибо конфликт, как выше было сказано, — это политическое противостояние, а кампания — военное. Таким образом, выстраивается иерархия объектов базы от боевых столкновений к конфликтам.

Кампания характеризуется единым местом (географическим регионом), участниками и хронологической завершенностью процесса. То есть кампании 1809 г. в Испании и в Австрии — это разные кампании, потому что их отличают не только место, но и участники и разные хронологические рамки. Вместе с тем при рассмотрении кампании в Рос-

сии 1812 г. возникает желание выделить как отдельные кампании боевые действия на центральном (условно московском), южном (на Волыни) и северном (на Двине) направлениях. Но эти боевые действия были тесно между собой связаны, начались и завершились они в единых хронологических рамках, участники в некоторых случаях участвовали в боях не на одном направлении.

Описание каждого конфликта включает в себя Название (+ историографическое или дополнительное), Регион(ы) (из ограниченного списка), Даты начала и конца (год), Стороны конфликта (государства), Описание и Театр военных действий (в свободной форме)

Описание каждой кампании включает в себя Принадлежность к конфликту, Название (+ историографическое или дополнительное), Регион(ы) (из ограниченного списка), Даты начала и конца (год и месяц), Участники кампании (вооруженные силы и командующие), Описание и Театр военных действий (в свободной форме).

Все кампании и конфликты в базе данных названы по единой схеме, где указаны год и регион кампании. Но вместе с тем сохранено второе название, принятое в историографии. Так Отечественная война 1812 г. по всем формальным признакам является не войной, а кампанией в рамках большой войны 1812–1814 гг., в которой многие страны даже приняли участие с обеих сторон конфликта.

Заметим, что при нашем подходе, любой дальний поход вооруженных сил, даже и не сопровождающийся боевыми столкновениями, попадает в категорию кампаний. С нашей точки зрения, это правильно, поскольку нагрузка на военную машину той или иной страны практически не зависит от наличия или отсутствия боевых столкновений (тем более что это наличие или отсутствие может и не зависеть от воли военного командования). Примеры – рейнский поход русской армии в 1748 г., который обошелся без сражений, но значительно повлиял на исход Войны за австрийское наследство, уже упоминавшаяся выше Босфорская экспедиция русского флота в 1833 г. и т. д.

Мы надеемся, что предложенный методологический подход позволит исследователю представить гораздо более полную военную статистику на основе выделения кампаний и сравнения их между собой с точки зрения военной нагрузки на государство. Тем более с учетом того факта, что исследователи из других научных областей, пользуясь статистикой военных действий, зачастую не понимают степени ее полноты или, наоборот, неполноты. В целях решения данной проблемы в рамках проекта «Руниверс» по военной истории России нами впервые

составлены полные базы боевых действий на основе описаний военных кампаний по всем периодам истории от начала русской государственности (IX в.) до начала Первой мировой войны.

Сбор военной статистики по кампаниям с учетом задействованных сил и средств в нашем проекте основан на тех единицах измерения, которыми оперировали сами современники. С 1700 г. — это однородные батальоны и эскадроны на основе штатной структуры численности. Военные решения принимаются именно об использовании того или иного количества батальонов и эскадронов на театре военных действий. Сбор и систематизация статистики военных кампаний данного государства также позволяют получить интересный материал для анализа военно-политической активности государства. Используя ретроспективно одни лишь нарративные источники, без должной статистики, историки нередко не могут объективно оценить значимость того или иного события, которое могло быть сознательно преувеличено или, наоборот, преуменьшено в пропагандистских целях. Тем самым искажается та реальная картина, в рамках которой происходили оценка ситуации и принятие военно-политических решений. В то время как статистика распределения военных сил и средств показывает нам не пропагандистские намерения, а реальную оценку военно-политической обстановки, намерений и принимавшихся на ее основе решений в данный исторический момент. Что, в свою очередь, позволяет проводить гораздо более объективный и научно обоснованный исторический анализ военно-политических решений. Классическим примером может служить Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой для российской стратегии крымский театр военных действий традиционно представляется как главный, приоритетный. Между тем, анализ дислокации вооруженных сил России на всем протяжении Крымской войны показывает, что в Крыму находилось не более 20% ее армии²⁸. Даже во время кульминационных моментов обороны Севастополя наиболее крупные армейские группировки русской армии оставались на западных границах — от Бессарабии и Подолии до Волыни, Литвы и побережья Финского залива, поскольку именно эти стратегические направления (юго-западное, западное и северо-западное) в сложившейся обстановке вполне

²⁸ Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848–1856 гг. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2019. С. 175–244.

обоснованно считались, с точки зрения военно-политического руководства Российской империи, наиболее приоритетными для обороны от возможного нападения, соответственно, со стороны Австрии, Пруссии, Великобритании и Франции.

В более широком плане анализ объективной военной статистики на основе кампаний, а также дислокации войск, как в военное, так и в мирное время позволяет анализировать и оценивать ежегодную работу государственной военной машины (включая аккумуляцию средств, их распределение и использование) на протяжении длительных временных периодов, измеряемых десятилетиями и даже столетиями.

Предварительные результаты развития проекта «Руниверс» по военной истории

Проект «Руниверс» по военной истории включает следующие основные компоненты.

- Непрерывное качественное описание строительства вооруженных сил России и других европейских государств с середины XV в. и до начала XVIII в.
- Непрерывное как качественное, так и количественное описание формирования и развития вооруженных сил России и других европейских государств с начала XVIII в. и до начала Первой мировой войны.
- Для периода с 1700 г. и до 1914 г. — непрерывное описание дислокации вооруженных сил России и других европейских государств как в мирное, так и в военное время.
- Описание использования вооруженных сил европейских государств во всех военных конфликтах — по кампаниям и боевым столкновениям в ходе них начиная с середины XV в. и до начала Первой мировой войны. Для России — аналогичное описание участия русских войск во всех известных боевых действиях составлено за весь период с IX в. (от начала русской государственности) и до 1914 г.

В результате работы коллектива исследователей в рамках проекта «Руниверс» по военной истории разработан комплексный научный подход, который позволяет описывать и оценивать работу государственной военной машины «изнутри» на основе обширных статистических баз данных по боевым действиям войск России и других

европейских государств начиная со Средневековья и до начала Первой мировой войны, включая военные конфликты, военные кампании (до середины XV в. — походы) и боевые столкновения²⁹. Методологические особенности описания и статистического анализа военных действий средневековой Руси (IX в. — середина XV в.) раскрыты в рамках данного выпуска «Исторического вестника» в статье доктора исторических наук, заведующего кафедрой истории России исторического факультета Воронежского государственного университета Ю.В. Селезнева³⁰.

Начиная с середины XV в., когда в России, как и в других европейских государствах раннего Нового времени, с развитием огнестрельного оружия и появлением постоянного «ядра» вооруженных сил, функционирующего наряду с феодальным ополчением, формируется государственный механизм сбора и накопления ресурсов для ведения боевых действий, представляется возможным переходить при анализе военной статистики от категории «поход» к троичной иерархии: конфликт — кампания — боевое столкновение. Данный подход оптимально применим для понимания качественных характеристик военной нагрузки на государство, начиная со второй половины XVII в. и до 1914 г., когда вооруженные силы, как правило, имели фиксированную штатную структуру. Что же касается Первой мировой войны, то в ходе нее как структура вооруженных сил европейских держав, так и сам характер ведения боевых действий изменились столь значительно, что для их периодизации, описания и статистической оценки необходим иной методологический подход. Указанной тематике в данном выпуске журнала посвящена статья кандидата исторических наук, старшего научного сотрудника Центра военной истории России Института российской истории РАН С.Г. Нелиповича³¹. Особый подход, необходимый для описания такого специфического вида военно-политической активности Российского государства в XV–XIX вв., как продвижение фронта на восточных, юго-восточных и южных рубежах, изложен в статье кандидата исторических наук, ведущего научного сотрудника Института проблем освоения Севера Федерального

²⁹ С полученными электронными базами данных читатель сможет ознакомиться по следующей ссылке: <https://runivers.ru/histbases>

³⁰ Селезнев Ю.В. Военные конфликты Древней и Средневековой Руси: опыт статистического анализа и картографирования // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 40–75.

³¹ Нелипович С.Г. Периодизация боевых действий на русском фронте Первой мировой войны // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.2. С. 292–393.

исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» А.Ю. Конева³².

Описание истории организационных структур вооруженных сил является следующим важным компонентом военно-исторического проекта «Руниверс». Уже составленные и опубликованные на сайте «Руниверс», а также находящиеся в процессе составления базы данных по полкам России и ряда других европейских держав Нового времени становятся более наглядными благодаря ряду работ исследователей-участников проекта, опубликованных в данном выпуске «Исторического вестника». Для понимания трансформации организационных структур русского войска в XV–XVII вв. особую ценность представляет статья кандидата исторических наук, сотрудника Российского государственного архива древних актов (РГАДА) О.А. Курбатова³³. Также в структуру номера включено новейшее исследование О.А. Курбатова по размещению воинских гарнизонов на северо-западе России в конце XVII — первой трети XVIII в.³⁴

Основные теоретические, методологические и практические аспекты подготовки базы данных для полков русской армии в 1700–1914 гг. представлены в статье А.Н. Черненко³⁵. На основании полученных данных автор описывает изменения в штатной структуре и количестве полков, приводит методологию расчета максимальной численности русской пехоты и кавалерии в конфликтах и кампаниях в период 1700–1914 гг. Отдельное исследование по эволюции легкой пехоты Российской империи, публикуемое на страницах данного номера журнала, выполнено И.Э. Ульяновым³⁶. Результаты работы по составлению баз данных полков ряда европейских государств Нового времени представлены в статьях А.Н. Черненко (английские полки)³⁷, И.Ю. Кудряшова (французские

³² Конев А.Ю. Историографические и методологические грани сибирского «фронта» // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.2. С. 270–285.

³³ Курбатов О.А. Русское войско XV–XVII вв. Очерк истории организационных структур // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.1. С. 196–227.

³⁴ Курбатов О.А. Гарнизоны северо-запада России (1699–1727 гг.) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч.1. С. 228–251.

³⁵ Черненко А.Н. База полков России 1700–1914 гг. Опыт составления (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях, штатная численность, погодовая локализация) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 92–173.

³⁶ Ульянов И.Э. Хронология, терминология и периодизация процесса эволюции легкой пехоты Российской империи // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 76–91.

³⁷ Черненко А.Н. База полков Англии и Великобритании 1661–1914 гг. Опыт составления. (Общий список полков, участие в европейских военных конфликтах и кампаниях,

полки)³⁸ и И.О. Пархоменко (пруссские полки)³⁹. Помимо указанных баз данных и описаний к ним, в рамках проекта продолжается работа над составлением баз данных полков Швеции, Испании, Австрии и ряда германских государств XVI–XIX вв.⁴⁰ На основе уже составленных и пополняемых баз данных планируются исследования ежегодного финансирования регулярной армии России в XVIII — начале XX в., а также Англии (Великобритании), с учетом дислокации английских полков и участия в конфликтах не только в Европе, но и за ее пределами. Кроме того, в рамках военно-исторического проекта «Руниверс» планируется публикация комплексных научных монографий по формированию и эволюции вооруженных сил России в XVI–XVII вв. и продвижению российского фронта в XVII–XIX вв.

Ознакомиться с базами можно по адресу: <https://runivers.ru/histbases>

штатная численность, погодная локализация) // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 1. С. 174–195.

³⁸ Кудряшов И.Ю. База данных полков Франции 1660–1914 гг. // Исторический вестник, 2023. №44. Ч. 2. С. 252–269.

³⁹ Пархоменко И.О. База полков Пруссии 1665–1914 гг. // Исторический вестник, 2023 г. № 44. Ч. 2. С. 286–291.

⁴⁰ Указанную работу по шведским полкам проводит кандидат исторических наук, доцент Историко-архивного института РГГУ Г.В. Шебалдина, по испанским — доцент факультета гуманитарных наук НИИ ВШЭ А.В. Марей и Н.А. Василенок, по Австрии и германским государствам — И.О. Пархоменко.

REFERENCES

1. *Bodard G.* Losses of Life in Modern Wars: Austria–Hungary and France. Oxford, 1916.
2. *Bodart G.* Militar–historisches Kriegs–Lexikon (1618–1905). Wien – Leipzig, 1908.
3. *Brecke P.* The Long–Term Patterns of Violent Conflict in Different Regions of the World. P. 5. URL: https://www.academia.edu/24739889/The_Long_Term_Patterns_of_Violent_Conflict_in_Different_Regions_of_the_World
4. *Clodfelter M.* Warfare and Armed Conflicts: A Statistical Reference to Casualty and Other Figures, 1500–2000. Jefferson, N.C.: McFarland, 2017 (Fourth edition).
5. Correlates of War. URL: <https://correlatesofwar.org/>
6. *Glete J.* War and the State in Early Modern Europe: Spain, the Dutch Republic and Sweden as Fiscal–Military States 1500–1660. London–New York: Routledge, 2002.
7. *Jaques T.* Dictionary of battles and sieges: a guide to 8,500 battles from antiquity through the twenty-first century. Greenwood Press. 2007.
8. *Jones Daniel M., Stuart A. Bremer and J. David Singer.* Militarized Interstate Disputes, 1816–1992: Rationale, Coding Rules, and Empirical Patterns // Conflict Management and Peace Science 15, 1996. P. 163–213.
9. *Krivopalov A.A.* Fel`dmarshal I. F. Paskevich i russkaya strategiya v 1848–1856 gg. [Field Marshal I. V. Paskevich and Russian strategy in 1848–1856]. M.: Russkij fond sodejstvija obrazovaniyu i nauke, 2019.
10. *Levy J.S.* War in the Modern Great Power System, 1495–1975. Lexington. 1983.
11. *Lynn J.A.* The wars of Louis XIV, 1667–1714. Harlow: Longman, 1999.
12. *Midlarsky Manus I.* Theoretical Foundations for the Collection of Major Power–Minor Power War Data // International Interactions 14, 1988. P. 187–190.
13. *Phillips Ch., Axelrod A.* Encyclopedia of Wars – 3 Volume Set. New York: Facts on File, 2005.

14. *Richardson Lewis F.* Statistics of Deadly Quarrels. Edited by Quincy Wright and Carl C. Lienau. Pittsburgh: The Boxwood Press, 1960.
15. *Small M, Singer D.* Resort to Arms. International and Civil Wars 1816–1980. Beverly Hills – London – New Delhi, 1982.
16. *Sorokin P.A.* Social and Cultural Dynamics: Volume 3: Fluctuation of Social Relationships, War and Revolution. New York, 1937.
17. *Woods F.A., Baltzly A.* Is war diminishing? A study of the prevalence of war in Europe from 1450 to the present day. Boston, 1915.
18. *Wright Q.* A Study of War. V. I–II. Chicago, 1942.

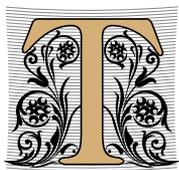

Ключевые слова:

Военно-историческая статистика, военная история, методология, базы данных, военные кампании, «Руниверс», Средние века, Новое время.

Mikhail V. Baranov, Dmitriy R. Zhantiyev, Oleg A. Kurbatov

MILITARY AND HISTORICAL STATISTICS: PROBLEMS OF METHODOLOGY

The article deals with the methodological problems that arise in global historiography when describing military operations in the Middle Ages and the Modern times, in particular, when compiling databases on wars involving European states (including Russia). Particular attention is paid to the integrated scientific approach developed by a team of researchers in the framework of the «Runivers» project on military history which allow description and evaluation of the work of the state military machine on the basis of extensive statistical databases of military operations. This approach is based on the principle of continuity of the personnel's description, deployment and actions of the armed forces during military campaigns, beginning from the 15th century until the start of the First World War. The military statistics objective analysis has been based on the campaigns as the essential measure of military activity, as well as the deployment of troops, both in wartime and in peacetime. This approach allows analysis and evaluation of the annual work of the state military machine (including logistical build-up, allocation and use) over long period of time, measured in decades and even centuries.

Key words: Military and Historical Statistics, Military History, Methodology, Databases, Military Campaigns, «Runivers», Middle Ages, Modern Times.

Mikhail V. Baranov — Ph.D. in Philosophy, President of ANO «Runivers».

Dmitriy R. Zhantiev — Ph.D. in History, Associate Professor at the Moscow State University, Institute of Asian and African Studies.

Oleg A. Kurbatov — Ph.D. in History, staff member of the Russian State Archive of Ancient Documents, member of the Expert Council of the OOD Rosrekon.

Баранов Михаил Владимирович

кандидат философских наук, президент АНО «Руниверс»

Жантiev Дмитрий Рустемович

кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки
МГУ имени М.В. Ломоносова

Курбатов Олег Александрович

кандидат исторических наук, сотрудник РГАДА,
член экспертного совета ООД Росрекон